

«Эта выставка, осуществленная с большим вкусом и выдумкой, представляет собой своего рода образец, и ее должен посетить каждый» («Ви уврьер»). «...Очень мало вероятно, что мы когда-нибудь сможем опять увидеть все эти документы собранными вновь вместе» («Леттр Франсез»). «...Человек, талант которого был многогранен, как драгоценный камень» («Фигаро»). Это лишь некоторые из многочисленных восторженных отзывов парижской печати об открывшейся во французской Национальной библиотеке выставке, посвященной жизни и творчеству Бомарше.

Мы попросили французскую журналистку Элизабет Маньян рассказать нашим читателям об этом «празднике Бомарше» в Париже.

234 ГОДА тому назад родился в Париже француз, оставивший о себе память не только своими пережившими века бессмертными произведениями, знакомыми каждому из нас, но и всей своей сложной личностью человека, у которого как при жизни, так и после смерти было одинаково много и верных друзей, и ожесточенных врагов.

Профессии, количеством которых хвалялся его неутомимый герой, севильский цирюльник, ничто в сравнении с теми, которыми в своей жизни и в силу своего характера занимался автор.

Сын скромного парижского часовщика, сам часовщик и изобретатель, артист и учитель музыки дочери Людовика XV, занимающий один за другим ряд постов при дворе: личный советник короля, финансист, жонглирующий назначением и смещением министров, профессиональный полемист, драматург, делец в Испании, секретный агент в Англии, судовладелец, торгующий с Америкой, издатель собрания сочинений Вольтера, такой близкий великому философу по своим идеям и складу ума, юрист, когда он основывает писательское объединение, экономист, организующий учетную кассу, он также первый, кому пришла в голову идея о строительстве Панамского канала, это и неутомимый истец, прибегающий к

юстиции при первом представляющемся случае, так как судиться для него тоже было почти профессией.

Выставка, открывшаяся недавно в одном из залов парижской Национальной библиотеки, посвящена этому незаурядному человеку, Пьеру-Августину Карону, сменившему позднее свое скромное имя на аристократическую фамилию де Бомарше.

Впервые перед глазами французов предстали рукописи, мемуары, записки и письма, эстампы, мебель, предметы обихода, отражающие жизнь и деятельность Бомарше.

В первом небольшом зале — витрины с часами и инструментами, циркулями, колесиками и молоточками, чертежи и расчеты мастерской Андре-Шарля Карона в Париже.

Дальше, в анфиладе галерей, носящей имя Мадарина, как в калейдоскопе, перед посетителем выставки проходит вся жизнь Бомарше с отражением другой стороны его характера — его необузданного стремления к власти и деньгам. Это тоже своего рода живой символ нового, утверждающего себя третьего сословия. Бомарше не стеснялся в выборе средств для достижения цели: чтобы добиться места при дворе, он дарит кольцо с вделанными в него часами мадам де Помпадур, а вот и его собственное кольцо на котором

выгравирован громкий девиз: «Моя жизнь — борьба».

Огромное количество витрин хранит документы, отражающие необычайную смесь придворных интриг и денежных перипетий, связанных сплошь и рядом с судебными тяжбами, в результате которых он оказывается то под щитом — в тюремном заключении, то на щите — в роли тайного агента власти, которому поручаются самые delicate миссии, о чем сви-

домарше была посылка против англичан собственного специального судна «Гордый Родриго», оснащенного его торговой компанией. Судно было разбито англичанами, а сам Бомарше хоть и избегал полного разорения, но на этом деле ничего не заработал.

Поражения и победы. Бомарше, «драматург для развлечений», незадачливый автор ряда не имевших у буржуазии той эпохи ника-

ется. Через три дня, смело переделанная Бомарше в четырехактную, пьеса идет снова и, по отчетам регистра выручки театра, «отныне увенчивается успехом».

Историограф театра мог бы написать целый трактат о становлении, содержании, значении драматургического гения Бомарше, автору же этих строк да будет позволено сказать о волнении, с которым проходишь мимо всех этих манускриптов, ма-

кетов, костюмов, манекенов и фотоснимков, изображающих крупнейших французских и иностранных актеров в роли бессмертного Фигаро...

А какое трудное рождение было у «Свадьбы Фигаро»! Вот отрывок из шутливого письма Бомарше к барону Б., где он пишет о своей новой пьесе — она уже не два, а два с половиной года ждала своего выхода на театр: «...В «Севильском цирюльнике» я пошатнул государство, а в своем новом, более крамольном опыте я его целиком свергаю...»

Но оставим Бомарше-автора и остановимся на Бомарше-издателе. Тисненные золотом красные шагреневые переплеты первого полного собрания сочинений Вольтера красуются в застекленных с четырех сторон высоких шкафах. Поклонник велико-

го философа, верный слову, данному умирающему Вольтеру, в ответ на его: «...мой верный Бомарше, я только на Вас и надеюсь, только у Вас хватит на это смелости...» — Бомарше приступает к изданию полного собрания его сочинений; он торопится, он хочет опередить Екатерину Великую, обявляющую той же идеей.

Необъятное, тщетное желание прочитать целиком все эти письма, что лежат передо мной, но нужно время, лупа...

Последние экспонаты — последние битвы. Годы жизни Бомарше, предшествующие революции, отражены в картинах кисти знаменитых мастеров: третья жена Бомарше, предлагаемый портрет дочери Эжени, музыкальный альбом Эжени, дом, салон, кабинет, план сада на бульваре Сант-Антуан и многое другое.

Все говорит о личном счастье и богатстве, возраст, казалось бы, должен был принести успокоение былым страстям. Нет, Бомарше с энтузиазмом встречает взятие Бастилии, той Бастилии, над которой едко смеялся Фигаро. Народ Парижа поручает Бомарше, живущему напротив крепости, наблюдать за работами по ее сношению. Бомарше счастлив, к нему относятся как к искреннему патриоту, но он слишком богат. Доносы, десять, двадцать доносов: в одном говорится, что он присвоил документы, хранившиеся в Бастилии (протокол участкового заседания в Сан-Рок от 22 июля 1789 г.): «Я вернул несколько документов, подобранных мною под ногами толпы, с которой я вошел в крепость...» — говорит Бомарше, в тот же день возвратив бумаги (из документов «Архивы Бастилии»).

Трогательно описание случая с другим доносом: народ

ворвался в роскошный особняк Бомарше, где, по слухам, хранились большие запасы хлеба... И что же? Обездоленные, голодные люди не притронулись ни к чему, не посягнули ни на малейший пустяк в доме создателя «Фигаро».

Бомарше выполняет задание, поручаемое ему народом Франции: занимается закупкой и пытается ввезти 60 тысяч голландских ружей; непредвиденные трудности, неудача, опять донос, недельный арест, год хлопот по этому делу за границей, он хочет вернуться в Париж, но попадает в тюрьму «за долги» в Лондоне. Ему все же удается вернуться и оправдаться перед Конвентом! Новый отъезд. Имя Бомарше занесено в списки эмигрантов. Дочь и жена в тюрьме. С трудом, но Бомарше все же добивается разрешения на возвращение в Париж.

Кто он? Контрреволюционер? Нет, вероятно, нет, просто его непомерная любовь к интригам и отсутствие щепетильности внушали людям подозрение.

Он снова пишет пьесы и скоропостижно умирает в 1799 году. Двойственный персонаж, необыкновенно одаренный, любящий деньги, но тоже активный буржуа-прогрессист, смелый и изобретательный, полный оптимизма и жизнерадостности, характерных для нового, поднимающегося класса.

Для нас он остается создателем Фигаро. Без двадцати минут пять, я иду к выходу, снова пересекаю маленький салон. Мерно раскачивается маятник часов, под стеклянным колпаком, на мраморном цоколе с двумя колонками, часы с применением усовершенствования, изобретенного Кароном-сыном, королевским часовых дел мастером.

ПАРИЖ

ТРИ ЧАСА В ГОСТЯХ У БОМАРШЕ

Элизабет МАНЬЯН

детельствуют отчеты Бомарше лично королю, его письма и ответы на них, подписанные такими персонажами, как императрица Мария-Терезия.

Перечисленные в каталоге выставки экспонаты с 316-го по 341-й номер посвящены Бомарше в роли «защитника за инсургентов».

Ружья, пушки и мортиры — миниатюрные копии оружия, которое торговая фирма «Компания Родриго Хорталеса», основанная нашим героем, поставила американским инсургентам, борющимся против английских колонизаторов. Безынтересно отметить, что основатель фирмы на этом деле просто хотел обогатиться за счет инсургентов, фактически же не очень красивую роль сыграло тут само молодое американское правительство, отказавшееся платить долги за поставку оружия. Ответом

кого успеха пьес, добывается постановки в театре «Комеди Франсез» «Севильского цирюльника». Фигурирующие среди экспонатов фрагменты-автографы свидетельствуют о том, что первоначально пьеса была задумана как комическая опера. Позднее в отчетах «Комеди Франсез» с 1772 по 1773 год имеется следующая запись: «...3 января 1773 г. «Тщетная предосторожность» (подзаголовок «Севильского цирюльника»), четырехактная комедия в прозе Бомарше, прочитанная г. Превилем, единогласно принята к постановке...»

Старые, пожелтевшие от времени письма, распоряжения, запрещения и отмена их и, наконец, 23 февраля 1775 года разрешенный (в третий раз!) «Севильский цирюльник», правда, уже не в четырех, а в пяти актах появляется на сцене и провалива-

Литературная Газета
20.12.66
20 ДЕНЬ